

Когда маркграф увидел, как полна
Она несокрушимого смиренья,
Взглянул в глаза, прозрачные до дна,
Не омраченные притворства тенью,
И вспомнил, как она все униженья
Безропотно сносила день за днем,
К ней сострадание проснулось в нем.

«Моя Гризельда, – молвил он, – довольно!
Ты чашу горя выпила до дна.
Достаточно тебя терзал я больно;
Подобных мук из женщин ни одна
Не испытала. Милая жена!
Какой ты клад, отныне буду знать я».
И он Гризельду заключил в объятья.

Она, еще не отойдя от мук,
Стояла, слов его не понимая,
Как будто ото сна восстала вдруг,
Объята изумлением без края.
«Клянусь Христом, Гризельда дорогая, -
Сказал маркграф, – супруга ты моя;
Свидетель бог, другой не знаю я.

Вот дочь твоя, – считала ты напрасно
Ее моей невестой и женой.
А этот мальчик, юный и прекрасный, -
Твой сын, Гризельда, и наследник мой.
Поверь мне, оба рождены тобой.
Я их взрастил в Болонье, у графини
Да Панико. Прими обоих ныне.

Пускай меня не обвиняют в том,
Что поступал я дико и жестоко.
Нет, не жестокостью я был ведом,
А лишь стремлением познать глубоко,
Каков твой нрав и нет ли в нем порока.
Детей не умертвил я, а, любя,
Их воспитал, Гризельда, для тебя».

Она, услышав это, вдруг упала
Без чувств, от радости почти больна.
Потом, придя в себя, детей призвала
И целовать их бросилась она.
Из глаз ее соленая волна
Слез материнских полилась без края,
Любимым детям лица орошая.

Кто б мог свое волнение побороть,
Внимая горькие рыданья эти?
«О господин, воздай же вам господь, -
Она промолвила, – за то, что дети
Опять со мной. Теперь ничто на свете
Не страшно мне. Раз вновь я вам мила,
То даже в смерти я не вижу зла.